

А лето летит по телу,
Сорвав и попрявав катушки.
Лягушки нас перепели,
А Море загнулось в ракушке.
Число-то сегодня какое?
А так ли все это важно?
Сожжем календарь. На кой он?
Числа никому не скажем —
Лети, парашютик — время.
Весь мир пополам по порам.
Нас вечность целует в темя,
Мы в землю пускаем корни.
Сто лет сплетены наши тени,
По веткам скучают кукушки.
А Лето осталось в теле,
Навеки зарыв катушки.

ГРАБЛЕХОД

По выпотрошенной крыше пульс рушится, точно дождь.
Я бы пришла в себя, но меня там не очень-то ждут.
На белой рубашке души то ли алая брешь, то ли брошь.
Мне предлагают пряник, но я отбираю кнут.

Я вроде на вид Дюймовочка, но на деле уродливый крот,
Который зарывается в себе, грызет горький гранит
Под названием «грусть». Он не знает понятий «выход» и «вход»,
Только «взорвать все к чертям» или попросту «динамит».

Тем, кто стучится в сердце, удастся попасть лишь в пасть.
Да и то в той кунсткамере не подадут на десерт лещь.
Говоришь, жесткая правда? Будешь есть остывшую месть.
Кто-то умирает от нервной анорексии, кто-то отделяется аллергией на страсть.

Кто-то говорит, что пишу эмо-подростковый бред,
Кого-то интересует причина того, что меня прет.
А у меня такое ощущение, что на шее затянули корсет
И заставили петь о том, что родной мне человек мертв.

Ведь я не просто гармонично структурированная плоть.
Я четырехстенный вид, истеричка трижды штопаный рот,
Цветок, который судьба не хочет ни выполоть, ни всполоть,
Бутылка шампанского, отказывающаяся разбиваться о борт,

Случайно просыпавшийся из глаз серебряно-ртутный град,
Неправильная пчела, которая делает неправильный мед,
Очередной поэт, который мечтает сбежать от себя в Ленинград,
И, наконец, самый высокоскоростной граблеход.

БОБОВЫЙ СТЕБЕЛЬ

Я лбом упираюсь в небо.
Оно холодит мне веки.
Я тонкий бобовый стебель.
Я вижу леса и реки.

Меня посадили в мае,
И мне по колено тучи,
И ветер со мной играет,
Когда мне бывает скучно.

И он ли меня ломает,
Согнет ли бобовая ноша —
Не дорасту до Рая.
Быть может, поможешь, Боже?

ПОЛЕ ЧУДЕС

1.

Он говорил: «Зарой. Зарой свои сокровища здесь.
Я твоё распрекрасное, расчудесное, расчудастое поле чудес.
Детка, отдай, по-хорошему, все, что у тебя есть.
А потом не то что звезду — созвездия перетаскаю с небес».

И я согласилась, подписав дарственную на жизнь
(Посейчас приходят поздравительные открытки ко дню дурака).
Я заморила голодом свой зажавшийся эгоизм,
Вытряхнула все скелеты из шкафа до последнего позвонка.

Обкрадывала себя, как наркоманка, азартный игрок,
Который проиграл каждый ныне существующий в мире цент,
Я с лихвой отдавала барщину — не оброк.
Он же изредка благотворительно закатывал мне концерт.

Я навсегда застряла в самой сахарной из пустынь.
Наверное, всю вселенную засосало в этот зыбучий песок.
Но несмотря ни на что, писала о нас псалтырь.
И однажды все-таки решилась совершить марш-бросок

— Посадила в остывшую почву пылающее люблю.
Следующая остановка бездна — поздно дергать стоп-кран.
Распустив всех синиц, доверилась журавлю.
Любовь как рулетка — время крутить барабан.

2.

Теперь стою в этом поле, дура, одна как перст.
Все, что посеяла, — исчезло от этих расчудастых чудес.
«Ложись, мое сокровище, теперь и твоё место здесь».
А дальше только бесконечная кинолента небес.

* * *

Знаешь, моя душа соткана из крапивы и пропитана солью.
Волдыри кровоточат, рву на себе рубашку — Смирительную.
Сидеть бы тихо, чеканить текст предписанной роли,
Но я пишу свой, выставляя волдыри нараспашку.

Знаешь, я привязываю себя к людям, как к мачте во время шторма.
Они ускользают, остается узел морской на тоненькой шее.
Я стою на помосте гордо, думаю, это торжественная платформа.
Ликует толпа, забавляясь живой мишенью.

Знаешь, на торте мне всегда достается ядовитая вишня,
Режиссер намекает, ему не понравился мой сценарий.
Голос за кадром уже кричит: «Ты! Здесь! Лишний!»
И невидимой силой пододвигает к краю.

Знаешь, занятно смотреть в зрачки жгуче-черной бездны.
Хорошо, что в запасе есть спички и горький, горячий сценарий.
Но не бойся, мой друг, в этом пламени я не исчезну.
Я танцую в огне. Так давай потанцуем в паре.

* * *

Лезвия, которыми ты накормил меня с рук,
Беззаботно порхают бабочками в животе.
Ты для меня и Бог, и друг, и хирург.
Ампутировал сердце. Сам того не хотел.

Теперь тишина вырубает колючки ключиц —
Все будет ровно, вспыхнет и стихнет хруст,
Я буду пробовать соль и металл на вкус,
Ты вместо сердца вживишь мне себя и птиц.

Потом, озираясь, прошепчешь: «Куда я попал?»
А я прохриплю, усмехнувшись: «В страну чудес...
Нравится, мальчик, мой красочный карнавал?!
Нравится, мальчик, мой сказочный дикий лес?!»

Нравится? Правда? Не стой на пороге, входи.
Шляпа пылится на полке, на кухне чай.
Кролик из шляпы насмешливо так глядит.
Не обращай внимание, не обращай.

Просто будь рядом. Дели со мной кислород,
Пока не прикажут снести наши головы с плеч.
Стоит на пороге шестнадцатый новый год.
И пусть в этот год мы сумеем друг друга сберечь.

ТАРАКАНЫ

Собирала себя по кирпичикам,
По стихам, по мажорным клавишам,
Все обиды из сердца вычеркнула,
Всех забывших меня товарищей.

Ураган, приручив, одомашнила.
Океан поместила в вакуум.
Весь фасад идеально покрашенный —
Я замазала все каракули.

И сажу — тараканы по полочкам
Накрахмалены, поначищены,
И костюмы на них с иголки.
Ух, и гады они напыщенные!

«Нам не нравится Ваше общество», —
И закрыли в пустой кладовой.
Мне на пользу пошло одиночество,
Но пора отвоевывать голову.

Ты гори, Океан, синим пламенем.
Ураган, выметайся с пастбища.
Вам меня не увидать правильной
— К черту строки, мажорные клавиши.

Я живая, и я живучая
С улетеvшею в космос крышею!
Вы меня никогда не замучаете —
Я сама себя победившая!

Вот стою на обломках прошлого.
Разбежались в страхе обидчики.
Я плохая, и я хорошая,
И по ветру крошу кирпичики.

* * *

Мне снятся посиневшие от холода губы моря.
Они обдают влажными поцелуями бескожyю душу.
Из-под слоя песка памяти стонет моя история.
Я не могу помочь и поэтому стараюсь ее не слушать.

Уже трудно вспомнить, кто выбросил меня за борт.
Помню только, как плыла на берег побитой собакой.
Там закопала историю (себя) — перестала плакать.
Думала пойти то ли в цирк, то ли в табор.

Но потом я увидела, какими бывают звезды.
Когда смотришь на них один, они отражают тоску многократно.
Я бы хотела вернуть их задор обратно,
А голос из-под песка сказал: «Слишком поздно».

И поэтому море бережно слизывает мои слезы.
И поэтому я тону, голосащая болью гагара.
И поэтому стих мой — борьба поэзии с прозой.
Но сейчас я проснусь и пойму — все даром.

ЗВЕЗДНОЕ НЕБО

«Требовать от человека любви — точно ждать, что потолок превратится в звездное небо», —
Говорила она, пока он кормил ее с ложки пловом.
До этого ему не приходилось лезть в карман за словом,
Но сейчас он еле нашарил в нем «может, хлеба?».

Когда он пришел к ней, то обнаружил ревущую тушу в луже потекшей туши.
Боже, как же он обожал эту прелестную до невозможности рожу.
Словно слоновье стадо, мураши побежали по коже
От одной мысли, что он к ней хоть на миллиметр ближе, хоть на миллиграмм нужен.

И он слушал про очередного разочаровавшего, разворотившего, но раскочегарившего ее душу,
В знак согласия целомудренно целовал в макушку,
Попался на мысли, что знает о ней все, вплоть до численности веснушек.

Он совершенно чокнулся, свихнулся, слетел с катушек,
Попавшись в ловушку куклы с острова надоевших игрушек.

Он всегда был тем, про кого говорят, мол, он славный парень, хороший мальчишка,
Тем, кого априори записывают в жилетки и просто другом.
В телефонной книге он значит как «человек-услуга».
И даже ей было глубоко плевать, что он далеко не пустышка.

И еще неизвестно, сколько бы продолжалась эта игра в кошки-мышки,

Если бы однажды он не понял, что его не устраивает судьба одного из семи гномов при Белоснежке.
Он и так уже раскрошил все зубы, даже не надколов титанового орешка.
И, возможно, что это чья-то злобная шутка, Божья насмешка,

Но если любовь — игра, то он не желает быть в ней шестеркой и пешкой.

И в этот момент на него обрушивается его собственный сказочный потолок.
Какая романтика? Голова лопается, из глаз сыпятся искры.
Смотрит. Предел мечтаний лежит невзрачным бетоном у его ног.
Поднимает глаза. А звездное небо, оказывается, всегда было близко.